

Отзыв официального оппонента
Трепавлова Вадима Винцеровича на диссертацию Парунина Алексея Владимировича «Политическая история Тюменского ханства в 1430-1508 гг.», представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1. – Отечественная история.

В диссертации А.В. Парунина исследуется один из самых загадочных периодов сибирской истории. XV век слабо освещен письменными источниками и пока мало представлен археологическим материалом. Именно на это столетие и начало следующего пришлось существование Тюменского ханства, которое является предметом внимания диссертанта. Саму по себе постановку такой проблемы можно только приветствовать, т.к. она позволяет открыть для тех, кто интересуется историей России и Сибири, малоизвестное государство на территории нашей страны, причем государство, которое существовало не в очень отдаленном (не в тысячелетнем) прошлом.

Его название «Тюменское ханство» уже эпизодически появлялось в историографии (автор, видимо, справедливо отдает приоритет в его употреблении историку-любителю второй половины XIX в., тобольскому инспектору гимназии И.А. Введенскому – стр. 12 диссертации), однако прочное утверждение его в научной литературе произошло, очевидно, после публикации в Казани в 2018 г. коллективной монографии «Тюменское и Сибирское ханства». Это фундаментальное издание было подготовлено главным образом усилиями научного руководителя диссертанта, Д.Н. Маслюженко, и послужило к дальнейшему углубленному исследованию истории региона в постордынскую и предроссийскую эпоху.

Диссертация А.В. Парунина – это первое монографическое исследование, посвященное именно Тюменскому ханству, которое до того обычно «растворялось» в общих наименованиях «Сибирское ханство», «Сибирский юрт», «государство кочевых узбеков». При этом автор не отка-

зывает в существовании и ханству Сибирскому, которое, в определенном смысле, после полувекового перерыва заступило на смену Тюменскому – с воцарением в Искере Ахмед-Гирея и Кучума.

Насколько позволяют чрезвычайно лаконичные источники, диссертант раскрывает сложный процесс вызревания нового очага государственности на крайней северо-восточной периферии распадающейся Золотой Орды. Он обоснованно усматривает истоки политической самостоятельности регионального административного центра – города Тюмени (Чимги-Туры) в постепенном усилении во второй половине XIV в. Шибанидов – одного из ответвлений многолюдного династического ордынского клана Джучидов, четко устанавливает последовательность и преемственность шибанидских правителей, а также – там, где это хоть сколько-нибудь возможно – некоторые обстоятельства их правлений. Главный акцент в диссертации сделан на событиях XV в., особенно его конца, когда Тюменское ханство становится заметным участником международных отношений, в том числе, и в Восточной Европе. Важным аспектом исследования (и во многом новым для историографии) представляется реконструкция автором последнего этапа существования ханства – фактически его угасания в начале XVI в. В целом надо заметить, что весь исторический путь, проделанный татарскими политиями Западной Сибири, отразил сложный, долгий, иногда возвратный процесс деградации золотоордынской (а изначально – монгольской имперской) государственности.

Я разделяю подход диссертанта к поиску корней политической самостоятельности Тюмени в, казалось бы, хронологически отдаленной от позднейших сибирских событий «Великой замятне» – масштабной междоусобице в Золотой Орде второй половины XIV в. Именно с того времени в государствах на территории бывшей Монгольской империи наметился и затем набрал силу процесс отхода потомков Чингисхана от реального управления. Смена правящих элит происходила постепенно и проявля-

лась по-разному. В частности, дорогу к власти проложила нединастическая аристократия – беки тюркских племен, которые до той поры были почти незаметны в политике. В Западной Сибири таковыми оказались в начале XVI в. беки из фамилии Тайбугидов, которые не только оттеснили от власти ханскую династию, но и перенесли столицу ханства из Тюмени в Искер (насколько можно в тех условиях говорить о столице).

К периоду «Великой замятни» А.В. Парунин возводит «истоки образования крупных политических объединений под руководством Шибанидов на юге Западной Сибири» (стр. 56). Это мнение представляется резонным. Аналогии с другими постордынскими политиями показывают, что они образовывались на основе устойчивых провинций Улуса Джучи – оседлых вилайетов (Казань, Крым) или кочевых улусов и юртов (Казахское ханство, Мангытский юрт). В случае с рассматриваемым регионом такую провинцию можно видеть в Тюмени/Чимги-Туре. «Вилайет Тура» упоминается (правда, при описании событий уже XV в.) у хрониста Утемиш-хаджи. Однако диссертант, кажется, напрасно, для XV в. называет этот город центром *новоиспеченного* улуса (стр. 61). Какая-то административно учрежденная область была в тех местах еще в предыдущем столетии. Автор прав, расценивая Тюмень как наиболее заметный населенный пункт в северо-восточных областях Золотой Орды – вероятно, самый крупный и многолюдный. Поэтому возможно предполагать у нее давнюю функцию резиденции провинциальных властей. Не случайно на карте братьев Пицигани 1367 г. безымянный город к востоку от Урала, идентифицируемый с Тюменью, изображен в виде строения с флагом, что означало административно-политический центр, формальное местонахождение локального наместника (который, скорее всего, кочевал в степи).

Этот город стал столицей нового государственного образования – Тюменского ханства. Его первым правителем А.В. Парунин предлагает считать Абу-л-Хайра (стр. 82). До сих пор в историографии действует

стойкая традиция рассматривать этого хана как основателя так называемого «государства кочевых узбеков». Данный искусственный термин для обозначения политического образования в Восточном Дешт-и Кипчаке XV в. был изобретен в 1960-ых гг. Б.А. Ахмедовым, и историки в целом приняли его, при этом единодушно признавая условность такого обозначения (т.к. оно отсутствует в источниках). Однако столь же искусственным является и понятие «Тюменское ханство», которое в источниках предстает как «Тура», «вилайет Тура» и «вилайет Тюмен». Да, можно согласиться с тем, что Абу-л-Хайр воцарился в Чимги-Туре и тем положил начало еще одному постордынскому ханству. По аналогии с другими синхронными политиями и в качестве инструмента исследования его можно называть Тюменским ханством – есть многочисленные примеры именованья исчезнувших государств терминами, изобретенными в позднейшие времена. Но это именование все равно остается условным, «кабинетным». Условность подчеркивается фактом последующего переезда Абу-л-Хайра со всем двором из Тюмени в Сыгнак на Сырдарье – и получается, что его ханство должно было бы превратиться в «Сыгнакское».

Отстаивая «Тюменское ханство», диссертант возражает против употребления выражения «Сибирский юрт» как неконкретного и расплывчатого. Полагаю все же, что оно имеет такое же право на использование, как «Тюменское ханство» и «Сибирское ханство». Все же эти два понятия в аутентичных текстах не встречаются, тогда как слово «юрт» по отношению к татарской Сибири использовалось (например, в грамоте царя Ивана IV ногайскому бию Исмаилу, 1563 г.: «Зять твой был на Сибири на нашем юрте, а ныне на том юрте Ахмет Кирей царевич»).

В тексте работы имеются некоторые положения, нуждающиеся в корректировке.

1. В Описи царского архива 1614 г. упоминаются несохранившиеся «тюменские тетради», одна из которых была составлена «при Иване ца-

ре». По мнению диссертанта, «контекст сообщения позволяет определить, что речь идет об Иване Грозном» (стр. 127, см. также с. 134). Однако, во-первых, «Иван», как и «Ивак» – это распространенная описка в русской передаче имени тюменского хана «Ибак» (Ибрагим), и в диссертации многократно приводятся соответствующие цитаты из летописей и посольских книг. Во-вторых, «царем таким-то» титуловали исключительно татарских династов (царь Азигирей, царь Шигалей и т.п.). Если бы речь в Описи шла об Иване Грозном, то использовались бы обязательные титульные формулы и полное имя: не «при Иване царе», а «при царе и великом князе Иване Васильевиче всеа Русии». Следовательно, эти «тетради» следует с большей вероятностью датировать концом XV в. – временем жизни хана Ибака-Ибрагима.

2. Послы сибирского бека Едигера Тайбугида привезли в Москву «шертную грамоту с “княжею печатью”, что свидетельствует о развитии делопроизводства при княжеском (т.е. бекском. – *В.Т.*) дворе» (стр. 178). Опыт работы с подлинниками грамот тюркских (крымских и ногайских) беков показывает, что эти документы скреплялись *перстневыми* печатями, и для их составления требовался всего лишь один грамотный писец. Поэтому нет достаточных оснований для утверждения о «развитом делопроизводстве» в ставке Едигера.

3. При характеристике анонимной хроники нач. XVI в. «Таварих-и гузида Нусрат-наме» (стр. 40) автор упоминает о несостоятельности приписывания ее авторства Мухаммеду Салиху, но не приводит версию о вероятности написания этого памятника узбекским ханом Мухаммедом Шейбани. Эта версия, хотя и остается предположительной, но пока считается наиболее основательной.

3. При характеристике сочинения бухарского автора первой половины XVII в. Махмуда б. Эмир Вали «Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар» следовало обязательно упомянуть его подробное исследование,

проделанное А.К. Алексеевым в монографии «Политическая история Тукай-Тимуридов. По материалам персидского исторического сочинения *Бахр ал-асрар*» (СПб., 2006).

4. Сочинение касимовского автора Кадыр Али-бека нач. XVII в. «Джами ат-таварих» некорректно отнесено к крымско-татарским источникам.

5. Имеется одна деликатная проблема, скорее из области научной этики. Приоритет открытия принадлежности сибирских беков-Тайбугидов к тюркскому племени буркутов в диссертации приписывается казанскому историку Д.М. Исхакову (стр. 183, 184). На самом деле авторство данного принципиального положения принадлежит казанскому же исследователю И.А. Мустакимову, который опубликовал и прокомментировал соответствующие переводы из «Таварих-и гузида Нусрат-наме» в статье 2009 г. (Мустакимов И.А. Владения Шибана и Абу-л-Хайр-хана по данным «Таварих-и гузида – Нусрат-наме» // Национальная история татар: теоретико-методологическое введение. Казань, 2009. С. 214–232). Поначалу Исхаков при упоминании буркутского происхождения Тайбугидов ссылался на ту публикацию Мустакимова, но затем перестал это делать. А поскольку он печатается очень много и часто, то у многих коллег создалось впечатление, будто именно он и обнаружил в средневековом памятнике данный исторический факт. И.А. Мустакимов в одной из своих последующих статей был вынужден указать на необоснованность такого приписывания Исхакову, указав при этом, что тот не владеет «навыками работы с арабографичными источниками» (Мустакимов И.А. Сведения «Таварих-и гузида – Нусрат-наме» о владениях некоторых джучидов // Тюркологический сборник. 2009–2010. М., 2011. С. 236). Полагаю, что диссертанту в будущем следует излагать данный сюжет без искажений.

Высказанные замечания не умаляют достоинств рецензируемой диссертации и легко могут быть учтены при дальнейшей работе над данной темой. Как и в любом исследовании по истории средневековья, некоторые положения, высказанные А.В. Паруниным, имеют гипотетический характер, что обусловлено, прежде всего, состоянием источниковой базы. Но при этом его диссертация содержит немало оригинальных идей и суждений, которые, возможно, смогут изменить устоявшиеся историографические клише, стимулируют новые изыскания.

Основные положения диссертации отражены в публикациях автора. Автореферат диссертации полностью соответствует ее содержанию. Автореферат и диссертация выполнены в соответствии с требованиями ВАК РФ.

Считаю, что А.В. Парунин заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1. – Отечественная история.

Главный научный сотрудник
Института российской истории РАН,
руководитель Центра истории народов
России и межнациональных отношений,
доктор исторических наук

30 апреля 2022 г.

В.В.Трепавлов

Подпись: *В.В.Трепавлова* (подтвержаю)
Ученый секретарь Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института российской истории Российской академии наук
«5» мая 2022 г.

Трепавлов Вадим Винцерович
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт российской истории РАН» (ФГБУН «ИРИ РАН»), Министерство науки и высшего образования Российской Федерации.
117232 Москва, улица Дмитрия Ульянова, 19. Тел. +7 (499) 126 94 49, e-mail iriran@mail.ru